

Власова Татьяна Анатольевна

1973 г.р.

Доцент кафедры философии и социологии культуры

Кандидат философских наук, доцент

Исследовательская тематика. Визуальные исследования, социальная антропология, социальная эстетика, образовательное пространство, социология детства

Власова Татьяна Анатольевна, Круткин Виктор Леонидович. Исследования визуальных аспектов культуры. ГОУВПО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, 2009. – 144 с. 9 п.л.

Власова Т.А. Рассматривание, рассказывание, припоминание: нарративизация содержания семейных фотоальбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов: «Научная книга», 2007. С.123 – 145.

Власова Т.А. Социальный смысл комментирования домашних семейных альбомов // Визуальные аспекты культуры – 2007. Сб. науч. ст. Ижевск: «Удмуртский государственный университет», 2007. С.98 – 107. - на рус. яз.

Власова Т.А., Круткин В. Л., Визуальные репрезентации в социальных исследованиях // Визуальные аспекты культуры – 2007. Сб. науч. ст. Ижевск: «Удмуртский государственный университет», 2007. С.5 – 14.

Адрес 426067, Ижевск, ул. Труда, 86-62

Дом.тел 21-68-06; моб.тел 8(904)3120670

e-mail: tavlasova@yandex.ru

СЕКРЕТНЫЕ ДЖИНСЫ

Аннотация. В статье представлена попытка исследовать феномен школьной форменной одежды как способ осуществления властных стратегий. Школьная форма рассматривается в качестве перформативного явления, которое активно обсуждается в медиа пространстве, а также в ходе непосредственного взаимодействия родителей, учителей и учеников школы. Ношение школьной формы анализируется как дисциплинарная практика, способ закрепления социального неравенства и элемент социальной эстетики.

*«Катя Лушина была в кино, разговаривала с мальчиком... Он спрашивал, носят ли в их классе джинсы и жуют ли жвачку? Катя сказала, что джинсы носят секретно под школьной формой...»
Э. Успенский*

Введение

Статья началась с моего собственного столкновения с необходимостью приобрести школьную форму дочерям, поступающим в первый класс. В ходе организационного собрания в школе представители администрации преподнесли это требование как обусловленное уставом школы. Однако, в школе, куда пошел сын моей ближайшей подруги, ни о какой форме не шло и речи, что ее очень заботило, родителям было не ясно, во что одевать детей. В конце концов родители спонтанно изобрели нечто вроде школьной формы. Тогда возникло предположение, не является ли представление о необходимости школьной формы, по крайней мере, в начальных классах школы проявлением некоторого рода социальной политики.

Общая тенденция к унификации школьного и вузовского образования выражается в разнообразных мерах от стандартизации содержания учебных пособий до единообразия внешнего вида учеников. В середине 90-х годов наблюдался обратный процесс, в результате чего единая школьная форма была отменена. Общее направление политического курса отразилось на правилах, принятых в образовательных учреждениях.

В задачу настоящей статьи входило исследование дискурсивного поля. Применительно к школьной форме рассматривалось, что в работах П. Бурдьё названо практической теорией, а также дискурсивные схемы специального социологического и социально-антропологического знания. Анализировались идеи, которые высказываются по поводу использования школьной формы теми, кто не включен прямо в указанные практики: журналистов и теоретиков. Это позволяет понять скорее дискурсивное поле, а не практические схемы. Тем не менее, такой ракурс оказывается полезен для прояснения содержания распространенных идей, на фоне которых разворачивается практика власти и подчинения.

Школьная форма в СМИ.

В СМИ, включая Интернет, обнаруживаем бурное обсуждение «проблемы» школьной формы. Предлагаются результаты опросов общественного мнения. Наиболее поздний, представленный на сайте «Социология детства» относится к августу 2007 года (6). По данным опроса 53% опрошенных родителей школьников поддерживают идею существования единой школьной формы для всей страны. Еще 17 % выступают за введение «корпоративной» формы, то есть за то, чтобы в каждой школе была собственная форма. Указанный опрос обнаруживает, что за существование школьной формы высказываются и молодые респонденты. Только 26% считают, что единая школьная форма не нужна. Следует, однако, иметь в виду, что опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенный в июле 2006 дает другие цифры: против введения школьной выступает 51% респондентов в возрасте 18-24 лет (6).

В опросах общественного мнения приводятся данные о существующих ограничениях в одежде. 25% представителей данной категории опрошенных утверждают, что в их школах есть обязательная форма. В части школ существуют определенные ограничения и требования к той одежде, в которой ребенок ходит в школу (23% респондентов). Среди ограничений называют следующие: запрещена одежда ярких, броских тонов; педагоги настаивают на строгом, деловом стиле одежды, или, по крайней мере, на том, чтобы в одежде школьника выдерживалось классическое сочетание «светлый верх, темный низ». В некоторых школах не разрешается ходить на уроки в спортивной одежде, запрещены джинсы. В ряде учебных заведений требования ограничиваются тем, чтобы дети приходили чисто, опрятно одетыми.

Опросы общественного мнения, как правило, сопровождаются аргументациями как в защиту школьной формы, так и против нее, но аналитической интерпретации указанные данные не получают. Мы предполагаем, что интерпретация данных опросов не будет эффективной так как практика, связанная с использованием школьной формой (и любой регламентированной одежды) не обращено к пониманию и не представляет системы знаний. Проблема школьной формы нуждается в социологическом рассмотрении.

Материалы авторских статей в СМИ предлагают различные точки зрения. Остановимся на противоположных мнениях. В газете «Известия» опубликована статья, в которой проявляется ярко негативное отношение, даже не столько «журналистское, сколько «родительское». В статье дети показаны как жертвы административного и учительского произвола, а родители предстают их защитниками, которые, однако, не могут эффективно противостоять произволу административного аппарата. Таким образом, ношение школьной формы рассматривается как принудительная практика, инициированная «сверху» учителями и директорами школ, необходимая, чтобы «сломать» детскую непосредственность. В качестве феномена, типичного для газетного репортажа, в статье присутствует «ужасная история»: *С наступлением первых холодов родители учеников одной из московских школ обратились к директору с просьбой разрешить девочкам приходить на занятия в брюках. Директор в просьбе отказал: "Форма есть форма. Пусть под юбку рейтузы надевают". История эта произошла не тридцать лет назад, а на прошлой неделе. Школьная форма вновь как чума расползается по стране* (7).

Появление этой истории отсылает к распространенному родительскому жанру, возникающему в поле властных стратегий, как способу показать власть школьной администрации и учителей над подвластными детьми и их родителями (Ярская-Смирнова,

Романов, 2004:366-367). В статьях такого рода школьники советского периода изображены «безликой серой массой», настойчиво подчеркивается «тупиковость» введения школьной формы, которая воспринимается как атрибут советской культуры и идеологизированного учебного пространства. Все аргументы о необходимости ограничений в одежде трактуются как демагогия.

Статьи второго типа преобладают в печатных СМИ. Хотя их авторы отмечают, что школьники «не любят» ходить в школьной форме, но в целом, ношение школьной формы признается полезным, и даже необходимым. Аргументация в пользу школьной формы или одежды делового стиля строится вокруг тезиса о ее инструментальности. Школа рассматривается в качестве образовательного инструмента, дающего знания, необходимые для достижения жизненных целей, форменная одежда, в свою очередь, инструмент, позволяющий эффективно организовать образовательный процесс. Поскольку во взрослой жизни имеются ограничения, постольку ограничения в одежде выступают своего рода тренингом.

Активно используется «компетентное мнение» экспертов. Во-первых, это мнение директоров школ и учителей. Подробнее их позицию мы обсудим ниже. Во-вторых, по поводу школьной формы часто высказываются медики. Приведем, например мнение, высказанное в ходе дискуссии круглого стола газеты «Комсомольская правда»: *А в свете того, что у большинства ребят есть проблемы со здоровьем, не лишним будет принять к сведению и совет специалистов-офтальмологов. Они утверждают, что яркие и кричащие цвета (красный, желтый, розовый) недопустимы для школьной формы. Они раздражают ребенка, утомляют глаз. Заболевание нервной системы, астигматизм, переутомленность и постоянные головные боли - вот далеко не полный букет проблем, которые может вызвать 'неправильная' сорочка или пиджачок (8).*

Элементы одежды полезны или вредны для здоровья как некие «объективные» факторы. *Итак, о комфортных для глаз цветах тканей. Во-первых, никаких красных или бордовых пиджачков. Коричневый и другие темные цвета, в том числе популярные черный, темно-серый, густо-сиреневый, тоже не приятны для глаз, тормозят восприятие, утомляют. А вот клеточка хороша. Она сама по себе радует детей, повышает им настроение.* «Правильная» школьная одежда рассматривается не столько как естественная, наоборот, предполагается, что детям «естественно» удобнее в домашней одежде, но как наиболее приближенная к медицинским рекомендациям. Во многих школах ставится задача сформировать стремление к «здоровому образу жизни», школьная форма становится одним из организующих факторов.

Следует заметить, что мнение медицинских работников оценивается как компетентное только до тех пор, пока они выражают «нормативную» точку зрения. Мне довелось участвовать в родительском обсуждении внешнего вида учеников на заседании школьного родительского комитета. Среди родителей была женщина, чья профессия врач-невролог. Она выступала против школьной формы, говорила о ее неудобстве и «серости». Но ее мнение не рассматривалось как компетентное, а представлялась в качестве частной точки зрения.

Другой экспертный взгляд принадлежит модельерам. Они расценивают школьную одежду в качестве стилевого направления. С оговорками, касающимися натуральности тканей, разнообразия моделей, удобства и практичности, большинство представителей модной индустрии, включая таких авторитетных лиц, как Вячеслав Зайцев, высказываются, если не за введение школьной формы, то за некоего рода дресс-код. В их высказываниях появляется сопоставление понятий форма - фирма. Стилиевой аспект всячески подчеркивается. Обширная цитата из выступления на онлайн конференции стилиста Ирины Пчелиной: *Учитывая, что в школе дети проводят много времени, требования к школьной одежде должны предъявляться по следующим критериям: цвет, крой, фактура ткани и рисунок. Предпочтительная цветовая гамма - серо-голубые, серо-розовые, синие, коричневые, вишнево-бордовые оттенки, благородная зелень. Необходимо исключить оттенки, которые дают слишком жесткий образ, приближенный к тому, как выглядят взрослые мужчины и женщины. В школьной одежде необходимо избегать резких цветовых контрастов: сочетания черного с кипельно-белым, темно-синего со светло-голубым. От таких резких контрастов устают глаз. Одежда не*

должна быть мрачной. Крой должен быть классический в своей основе, подчеркивать красоту фигуры, быть удобным. Чтобы в такой одежде было комфортно. Фактуры: качественные, пластичные ткани, приятные к телу, не мнущиеся, удобные в уходе. Трикотаж можно удачно сочетать с основной тканью. Основное требование к рисунку - чтобы он не был излишне заметным и не утомлял взгляд. Например, яркая клетка в большом количестве будет назойливо обращать на себя внимание. В деталях одежды нежелательны слишком острые углы воротников блузок и рубашек, лацканов пиджаков.

Основную идею школьного стиля кратко можно передать словами «ничего особенного». Довольно часто в прессе возникает противопоставление форменного стиля и «безвкусицы», характерной для одежды учителей и чиновников. Обиженная мама-журналист пишет: «мы приучим девочек к хорошему вкусу – поучала родителей тетка в ярко-розовой кофте, украшенной драконами из люрекса» (7). Такая же сцена разворачивается при описании просмотра детской коллекции белорусским чиновником:

«Для показа Александру Радькову подготовили 16 моделей. отобрали наряды, в которых, по мнению производителей, «присутствуют элементы современной моды». Пиджак для мальчика не на пуговицах, а на молнии – это, безусловно, очень смело. Глава белорусской системы образования (был одет в темный деловой костюм и светлые бежевые туфли) сразу же определил свой вкус.

- Все мы вышли из советской школы и прекрасно помним, как была популярна школьная форма. А многие дети до сих пор предпочитают ходить в школу в коричневых платьях с фартуками. Поэтому школьная форма должна быть строгой и устойчивой. Сразу стало понятно, что Александру Радькову не по душе пришлись все отступления от классики, яркие клетчатые девчоночьи пиджаки, которые совершенно не годятся для школы» (9).

Появление подобных противопоставлений – результат борьбы за влияние конкурирующих экспертных групп в эстетическом пространстве. Каждая группа стремится утвердить собственные определения ситуации. Однако, среди экспертов не существует единой позиции следует ли понимать образовательное пространство вообще, и школу в частности, как сегмент официального пространства, каким является государственное учреждение или сфера профессиональной деятельности. Один из модельеров в ходе он-лайн дискуссии замечает, что он против того, чтобы школьники были «миниатюрными копиями чиновников». Таким образом, он представляет промежуточную позицию, в которой школьное пространство должно превратиться в особый мир детства, имеющий черты формальности, но не противоречащие «детской непосредственности».

Присутствие или отсутствие школьной формы сопровождается некоторыми типами аргументации со стороны заинтересованных сторон: учеников, учителей, родителей. Следует оговориться, что все типы аргументации являются элементами практической логики, так как конструируются благодаря габитусу, они частичны и непрозрачны, опираются на особый род чувственных впечатлений, с которыми, не смотря на существование полей регламентированной одежды, дети нигде больше не сталкиваются. Аргументация «за» и «против» школьной формы не адресуется к пониманию, следовательно, не являются теоретическими моделями, хотя стремятся предстать таковыми в нарративах агентов поля.

П. Бурдьё в своих работах противопоставлял логику теории и логику практики. Теоретические модели не являются основанием для построения практических схем. Практические схемы непрозрачны, ситуативны и частичны. Они сопротивляются попыткам унификации и рационального обоснования, они основаны на логике «так делается», человеку ничего не остается, как делать нечто именно так, как предписано. Конечно, в первую очередь это относится к погребальному благочестию, но справедливо и к другим сферам, в том числе, образовательной. Ребенку и его родителям в современной городской культуре нельзя миновать обучения в школе, значит им будет предписано соблюдение некоторых правил.

В практических схемах конкретных людей и групп институционализированные структуры, по мнению П.Бурдьё, существуют в качестве габитуса - «система устойчивых диспозиций <...>, принципы, порождающие практики и представления...» (Бурдьё, 2001:102).

Для каждого человека его позиция в социальном мире определена конфигурацией социальных полей, ему предоставлены возможные цели, способы и пути их достижения, задаются возможности и ограничения. Человек, с определенными социальными характеристиками, может действовать в некоторых границах, где некоторые практики возможны, а некоторые исключены.

Границы существования габитуализированных структур воплощены в тело. Тело, по выражению П. Бурдьё, несет на себе «перформативную магию социального» (Бурдьё, 2001:111). Человек в строгом костюме становится воплощением капитала, одетый в рясу – церкви, в школьную форму – учеником. Этот процесс усиливается социальными истолкованиями, позволяющими увидеть социальные различия в качестве «естественных». «Именно поэтому – пишет П. Бурдьё - агенты никогда до конца не знают, что они делают, — то, что они делают, обладает большим смыслом, чем они знают» (Бурдьё, 2001:134).

Перенесение практических схем в теоретические, не только на уровне научных теорий, но и в случае «туземного» знания заставляет при объяснении какого-либо элемента ссылаться на всю систему, частные правила объясняются за счет общих норм. В сфере педагогической казалось бы незначительные требования, вроде ношения школьной формы. Представляют собой явное и, последовательное и «естественное» проявление подчинения существующему порядку.

Теоретические подходы к изучению школьной формы

Причины, объясняющие введение школьной формы или дресс-кода, исходят от экспертов: учителей и администрации школы, медиков и модельеров, Это агенты поля, которые наделены властью. Направлена аргументация на учеников и родителей, таких агентов поля, которые подвластны. Существует три основных аргумента:

- Форма дисциплинирует детей;
- Форма сглаживает социальные различия;
- Форма создает эффект прочитываемости, ребенок в форме адекватно воспринимается как ученик школы.

Рассмотрим каждый аргумент подробнее. О дисциплинирующем характере формы охотнее всего говорят в СМИ. О дисциплине учителя и родители говорят в первую очередь. Анализ дисциплины как социального явления дан в концепции Власти-знания М. Фуко. Дисциплина понята у М.Фуко как элемент «политической технологии тела», которая образуется из элементов знания и овладения. При этом Фуко предлагает ее характеристики: диффузность, что означает, что технология тела редко выражена в связном и систематическом дискурсе; отсутствие целостности, что предполагает разрозненные инструменты и методы. Таким образом, политическая технология тела это не столько идеология, сколько «всего лишь многообразные приспособления».

Тело, по мнению Фуко, вовлечено в отношения власти. Техники, имеющиеся в арсенале Власти-Знания «захватывают тело, клеймят, муштруют пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки» (Фуко, 1999:39). Осуществление власти представлено у Фуко как действие взгляда, его бдительность. Поле власти – это «встреча взглядов и тел» (Фуко, 1998:10). В этом поле встречаются «говорящий» взгляд и «немое» тело. Взгляд компетентного врача или педагога квалифицирует и нормирует лишенного взгляда и языка пациента или ученика. М.Фуко определяет дисциплину как «непрерывную игру рассчитанных взглядов».

С XVII века, вместе с возникновением индустриального общества, появляются дисциплинарные институты. М. Фуко детально рассматривал некоторые из них, прежде всего, больницу и тюрьму. Дисциплинарные институты выполняют несколько функций. Во-первых, они формируют и поддерживают дискурс Власти-Знания, где воспитание, исправление и лечение «души» становится целью политических технологий, а тело рассматривается как инструмент, или медиум, указанного влияния. В дискурс включены также оценочные,

диагностические, прогностические и нормативные суждения о человеке, его назначении, отношениях с другими людьми, суждения об обществе и т.п.

Школьное пространство востребовано в работах М. Фуко как поле сравнения с институтом клиники или тюрьмы. Обнаруживается, что в европейской школе Нового времени дисциплина – основополагающая практика. Человеческое тело вовлечено здесь в технологию Власти-Знания. Благодаря дисциплине, тела школьников становятся тотально контролируемыми, так же как тела ненормальных, которые помещены в больницы, тюрьмы. Работные дома и т.д. Контроль, по мнению М. Фуко, возможен потому, что школьники распределены в пространстве так, чтобы быть доступными наделенному властью взгляду. Ученики разделены на классы, что уже само по себе означает классификацию. То есть подразделение по разрядам. В классе они разделены по партам, расставленным рядами. В истории европейской школьной организации существовали классы, в которых место ученика свидетельствовало о его успехах в учебе. Трудно поручиться, что эти сообщения являются действительностью, а не желаемым идеалом. Тем не менее, различие между отличниками, сидящими за первыми партами, и «двоечниками» и хулиганами, находящимися на «камчатке» присутствует, если не в актуальной практике, то в репрезентациях медиа. Даже в ситуации нестрогого ранжирования учеников, существует четко определенная диспозиция власти-подчинения, воплощенная в противопоставлении преподавательской кафедры или учительского стола (место наделенного властью взгляда) и партами учеников (места подвластных тел).

Кроме контроля над пространством имеется и контроль времени, выраженный в расписании уроков, которое влечет за собой упорядочивание дневного, да и ночного времени. Сменяемость времени, отведенного для занятий и досуга, распространяется на внешкольное время, организует режим дня, не только ученика, но и всей семьи.

Вторая функция школы, как дисциплинарного института, заключается в интенсификации полезности. Эта функция, по мнению М. Фуко, общая для всех дисциплинарных институтов. В них ведется работа с телом, над телом, при помощи тела. Тело ученика послушное, следовательно полезное. Чем более послушное, тем более полезное. Благодаря этой обретенной пользе тело становится экономически производительным. Оно позволяет получать выгоду и осуществлять господство. В дисциплинарных институтах, в том числе школах, бесполезное (детское) тело разбирают, тщательно обрабатывают, а затем, вновь собирают уже в новом, полезном, качестве, в котором оно будет включено в социальный порядок [Фуко, 1999:201]. Все обучение в школе, пишет М. Фуко, непрерывное упражнение» во всех его формах: математические задачи, упражнения в письме и чтении, физические упражнения, опыты.

Наконец, третья функция дисциплины заключается в том, что она является стратегией индивидуализации (субъективации). Объектом власти, по мнению М.Фуко, является индивид, а не масса, что отличает его позицию от точки зрения Г. де Тарда или Г. Лебона. Но индивид не только объект, но и, в то же время, продукт Власти-Знания и ее орудие. Дисциплина – это не только «приспособление», которое позволяет видеть, но и способ сделать «видимыми» тех, на кого они воздействуют. Для продуцирования индивидов совершаются действия, чей смысл состоит в дифференциации одного человека от другого. В рамках дифференциации осуществляются следующие операции: сравнение индивидов друг с другом; соотнесение их с неким средним или общим правилом; количественное измерение успехов (оценки, количество баллов, уровень развития, техника чтения). Таким образом, при помощи соотнесения устанавливается степень соответствия между индивидуальными особенностями и общей нормой. Попутно определяются пределы различия, в рамках которых поведение признается нормой, а другие проявления считаются «не нормальными». Это позволяет «измерить» отклонения. Следует помнить, что нормализация не только типизация, но и индивидуализация. Таким образом, дисциплинарный институт превращает человека в «конкретный случай», сопровождая этот процесс детальной, ежедневной записью: занесением в журнал, личное дело, корпус архивных документов.

Поскольку все более индивидуализируются подвластные, постольку Власть становится все более анонимной. Это полная противоположность традиционной культуре, где анонимны именно подвластные, подчиняющиеся персонализированной Власти.

Каково может быть значение школьной формы? Она, несомненно, выполняет все функции, определенные нами для дисциплинарных практик: осуществляет контроль, имеет утилитарное значение и осуществляет индивидуализацию. Одетые в школьную форму дети подлежат контролируемому взгляду Власти, она удобна для учителей и родителей и позволяет индивидуализировать детей с точки зрения соблюдения и нарушения нормы. Важно, что ношение школьной формы понимается агентами поля как некая «малость». М.Фуко справедливо обнаруживает связь с аскетической традицией, где всякая «малая» вещь важна в глазах Бога (Фуко, 1999:204), так ношение школьной формы, вообще скрупулезное соблюдение «малых» требований находит отражение в детализированности европейского воспитания, как в религиозной, так и в светской педагогике.

Второй аргумент в защиту школьной формы, присутствующий в объясняющих схемах, связан со способностью школьной формы сглаживать социальные различия. Предполагается, что в классе, где дети носят школьную форму социальные различия нивелируются. Этот тезис, однако, скорее является элементом дискурсивных схем, нежели частью социальной практики. В пространстве школы имеются другие способы демонстрации неравенства как между положением детей, происходящими из семей с разным уровнем материального достатка, так и между учениками с одной стороны и учителями и представителями администрации – с другой. Школьная форма, прежде всего, является манифестацией этого последнего неравенства.

Казалось бы, во введении школьной формы должны быть заинтересованы те школы или классы, где учатся дети из наименее состоятельных родителей. Однако, в первую очередь школьная форма стала вводиться в гимназиях и лицеях. В сельских школах правила, связанные с одеждой наименее строгие.

Здесь можно продуктивно применить теорию П. Бурдьё. Позиция учеников школы, учителей, родителей предписывает способы поведения, поддерживающей институционализированные практики социализации. Но, чтобы подкрепить каждую позицию, необходимо воспроизводить соответствующие габитусы, в которых воплощены различные виды капитала: экономический, социальный, символический, с явным преобладанием последнего. Школьная система приписывает различный уровень культурной компетенции, а также обладание неким культурным ресурсом, разным агентам поля. В обществах, где передача знания институционализированна, символический капитал объективируется, то есть нет опасности, что символический ресурс может исчезнуть вместе с агентом-носителем. Есть необходимость постоянно воспроизводить каналы, по которым будет осуществляться трансляция. Для этого поддерживается иерархия учитель – ученик, с включением третьего звена – родителей (семьи), которая обеспечивает поддержку указанной связи. Титулы делают положения агентов устойчивыми, особенно тех, кто осуществляет отношения господства. Они легитимируют положение вещей, оправдывают господство. Однако, наиболее продуктивна не словесно оформленная идеология, замечает П. Бурдьё, а «то практическое оправдание существующего строя, которое она доставляет, скрывая под явно гарантируемым ею отношением титулов и должностей... Самые верные идеологические эффекты — это те, которым для своего осуществления требуются не слова, а круговая порука и замалчивание» (Бурдьё, 2001:264]. Таким образом, габитус выстраивает отношения близости и отдаленности, которые мобилизуются для житейских потребностей.

Символизм школьной формы для детей означает их зависимый статус в школе. Следует учитывать, что имеется различие: младшие школьники сначала переживают повышение социального статуса, более привилегированного, чем статус малышей-дошкольников, поэтому школьная форма для первоклассников – предмет гордости, знак этого статуса. Манифестация обретенного символического капитала. В дальнейшем этот эффект исчезает и ношение форменной одежды остается знаком зависимого статуса. Символизм тем более неосознан, чем более официальный и коллективный характер носит деятельность.

Степень свободы, которую может проявить человек в рамках габитуализированных схем, зависит от степени коллективности, степени институционализации и степени официализации. Те, кто занимает в социальном пространстве доминирующие позиции, привязаны к указанным характеристикам, поэтому именно учителя и, в меньшей степени, родители инициируют использование школьной формы.

Третий аргумент, доказывающий необходимость существования школьной формы связан с тем, что она обеспечивает «эффект видимости». Благодаря форменной одежде ученики школы распознаются в качестве таковых. Анализ интересующих нас практик возможен в концептуальной сфере, связанной с категорией «социальной эстетики». Понятие «эстетика» в том контексте, в каком он используется в социологии и социальной антропологии, не имеет отношения к красоте или искусству, включая наивное или фольклорное понимание народного искусства.

Вслед за Д. МакДугаллом, внесшим решающий вклад в анализ понятия «социальная эстетика», мы полагаем, что каждую отдельную школу все образовательное пространство следует рассматривать в качестве «культурного ландшафта» [МакДугалл, 2007:216]. Это понятие, в свою очередь, соотносится с понятием «социальное пространство» Пьера Бурдьё. Д. МакДугалл связывает проявления социальной эстетики с диапазоном культурно паттернизированного чувственного опыта, позволяющего «определять то, что знакомо и незнакомо» [МакДугалл, 2007:219]. В пределах ландшафта воспроизводятся образцы поведения и дискурсивные структуры, которые распознаются членами сообщества или сообществ, помещенных в ландшафт.

По мнению Д. МакДугалла некоторые общества, сообщества и институты могут быть названы «гиперэстетическими», так как в них социальная эстетика применяется наиболее системно. Среди таковых он помещает как раз образовательные учреждения. План здания, внешнее и внутреннее оформление, одежда и прически учителей и учеников, вещи и предметы, которые сопровождают их деятельность включены в эстетический паттерн. Элементы, их составляющие, могут быть незаметными или обременительными, но они всегда будут обладать качеством «привычности». В силу этого трудно отделить эстетические паттерны от других социальных факторов: политических, экономических, исторических идеологических. Мы видели на материалах СМИ, что обсуждение школьной формы возникает как экономически выгодный или убыточный проект, как элемент отправления власти, как исторически сложившийся элемент системы школьного образования. Однако, практически отсутствует понимание школьной формы как составляющей части эстетического паттерна.

Школьная форма выделяется здесь нами, во-первых, по причине исключительной значимости как наиболее репрезентативного элемента, а, во-вторых, из-за явной соотнесённости со стратегиями власти, так как в требовании носить школьную форму следует увидеть проявление социального контроля. Таким образом, школьная форма может пониматься в качестве элемента ландшафта школы, и более узко, школьного класса, она предстает родом материальных объектов, произведенных социальной эстетикой. Большинство школ в нашей стране располагают довольно ограниченными средствами, поэтому ландшафт отвечает идеалу эстетики минимализма. Свежая краска на стенах, цветы на подоконниках и занавеска окнах – вот основные эстетически нагруженные предметы ландшафта провинциальной школы. Минимализму ландшафта и соответствует минимализм одежды детей.

В ходе исследования Д. МакДугалл убедился, что невозможно прямо показывать аспекты, которые могли бы определяться в качестве эстетических. Эстетические паттерны выделяются лишь теоретически, а практически они воплощены в разных особенностях жизни Д. МакДугалл пишет: «Когда я впервые попал в дунскую школу, она мне поразительно напомнила театр. Происходило представление. Звонил звонок, и каждый ученик должен был выбежать, одетым в определенный костюм. Часом или двумя позже звонил другой звонок и они бросались к порогу уже в другом костюме».

Таким образом, в ходе удалось установить, что, благодаря использованию школьной формы в пространстве школы воспроизводится привычный порядок: прихода и ухода, занятий,

перемен, поощрений и наказаний. Уравновешивается то, что все агенты поля знают как физические потребности, красота и комфорт. Возникающее эстетическое чувство регулирует ощущение удовлетворенности или возмущения. Учителя заинтересованы не только в том, чтобы снабжать учеников словесными инструкциями, но и в том, чтобы порядок присутствовал в окружающем пространстве.

Литература

1. П. Бурдье. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
  2. МакДугалл Д. Социальная эстетика и Дунская школа (Перевод В.Л. Круткина). // Визуальные аспекты культуры – 2007. Ижевск «УдГУ», 2007.
  3. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. «Ad Marginem», 1999.
  4. Фуко М. Рождение клиники. – М.: Смысл, 1998.
  5. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальная антропология. Ростов н/Д, 2004. С.366-367.
  6. Данные массовых опросов представлены:
http://bd.fom.ru/report/cat/societas/culture/obrazovanie/secondary_education/d073522
<http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/2915.html>
- Газетные публикации доступны по адресам
7. www.izvestia.ru/russia/article27817;
  8. <http://www.izvestia.ru/media-center/conference952/index.html>;
  9. <http://www.kp.belkp.by/2005/06/23/doc70650/>.

The present article attempts to study phenomenon of a school uniform as a way to introduce imperious strategies. School uniform is viewed as a performance activity that is discussed in media and via the interaction of parents, teachers and school students. Wearing school uniform is viewed as a disciplinary practice, a method of fixing social inequality and an element of social aesthetics.